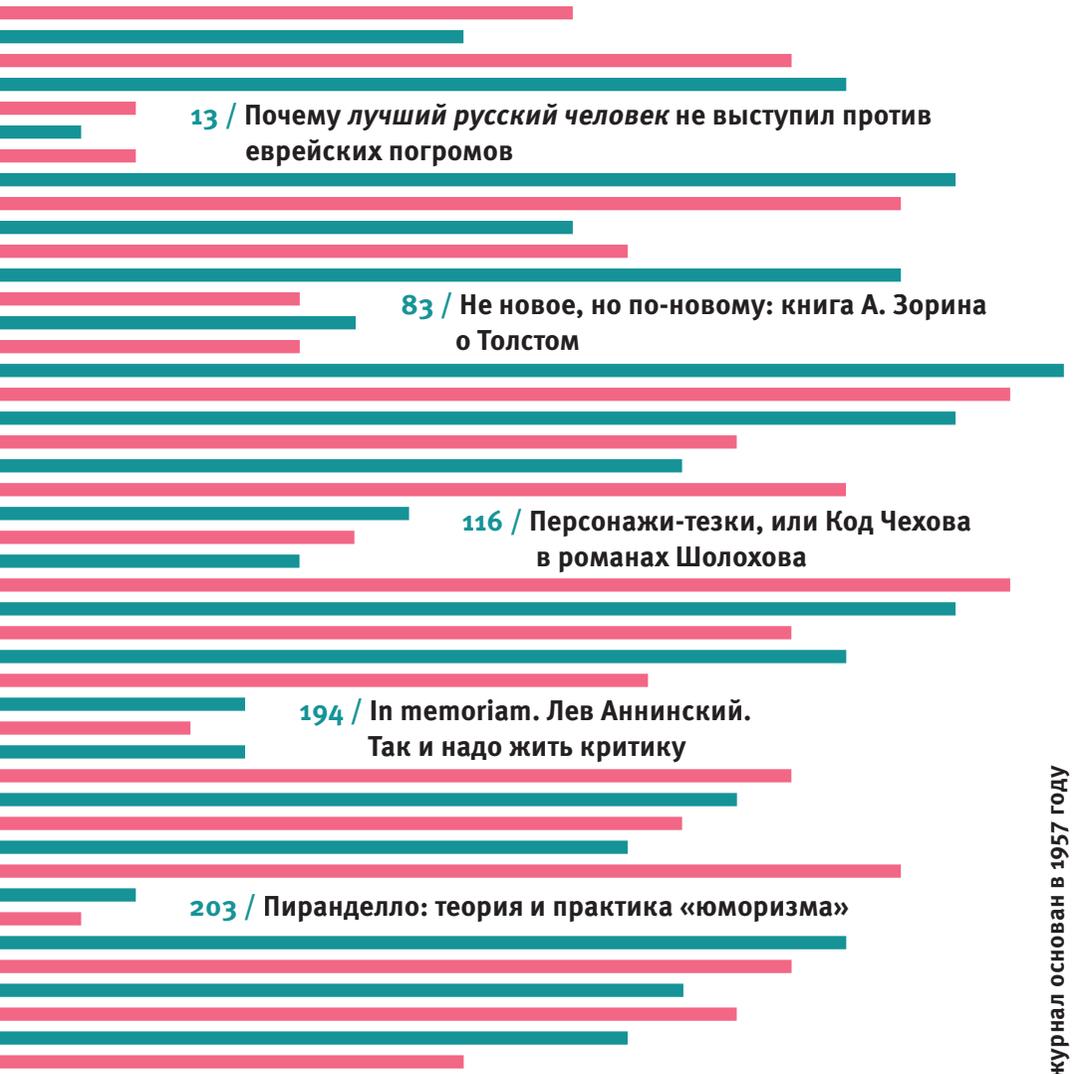

ВОПРОСЫ литературы

март — апрель

2021

13 / Почему лучший русский человек не выступил против
еврейских погромов

83 / Не новое, но по-новому: книга А. Зорина
о Толстом

116 / Персонажи-тезки, или Код Чехова
в романах Шолохова

194 / In memoriam. Лев Аннинский.
Так и надо жить критику

203 / Пиранделло: теория и практика «юморизма»

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

- 13 **Г. РЕБЕЛЬ.** Почему *ЛУЧШИЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК* НЕ ВЫСТУПИЛ ПРОТИВ ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМОВ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

/ Л. Н. Толстой

- 53 **И. МАТВЕЕВА, И. ЕВЛАМПИЕВ.** Модернистская поэтика рассказа Льва Толстого «Хозяин и работник»
- 76 **М. АРТЕМЬЕВ.** Хебель и Толстой. К проблеме жанрового своеобразия детских произведений Льва Толстого
- 83 **В. МАХЛИН.** Не новое, но по-новому. Книга А. Зорина о Толстом

/ А. П. Чехов

- 92 **В. ТЮПА.** Опыт нарратологического прочтения. «Архиерей» Чехова
- 116 **Е. ШАЦКИЙ.** Персонажи-тезки, или Код Чехова в романах Шолохова

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА

- 139 **К. САРЫЧЕВА.** «Дарование, которое еще не развилось». Лермонтов в журнале «Библиотека для чтения» (1830–1840-е годы)

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

- 161 **М. АМУСИН.** Достоевский бессмертен?

IN MEMORIAM

/ Лев Аннинский

- 194 **В. НОВИКОВ.** Так и надо жить критику

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

/ Италия

- 203 **М. АНДРЕЕВ.** Пираделло: теория и практика «ЮМОРИЗМА»

/ Современные имена

- 221 **А. ЯМПОЛЬСКАЯ.** Творчество Паоло Коньетти, или Похвала дикарю

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЭТИКА

/ Шекспировская мастерская

- 236 **ХАО ТИАНХУ.** «ГЕОГРАФИЯ РАЗЛИЧИЙ» в «ПЕРИКЛЕ» ШЕКСПИРА и «ЧЕТЫРЕХ ЛОНДОНСКИХ ПОДМАСТЕРЬЯХ» ХЕЙВУДА. *Перевод с английского А. Шаповаловой*

СВОБОДНЫЙ ЖАНР

- 257 **Г. АНДРЕЕВ.** «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК» и КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА КОНЦА 1920-х ГОДОВ

КНИЖНЫЙ РАЗВОРОТ

- 264 Л. Болтански. Тайны и заговоры (**П. МОИСЕЕВ**)
- 270 С. А. Матяш. Стихотворный перенос (enjambement) в русской поэзии (очерки теории и истории) (**А. СТЕПАНОВ**)
- 276 Владимир Муравьев. В сторону Свифта (**И. ШАЙТАНОВ**)
- 282 E. Pound. Cathay. A critical edition (**О. ПОЛОВИНКИНА**)
- 288 Б. Зайцев. Отблески Вечного. Неизвестные рассказы, эссе, воспоминания, интервью (**Л. БОРИСОВА**)
- 294 С. М. Гандлевский. В сторону Новой Зеландии: путевые очерки (**А. БОКАРЕВ, Т. КУЧИНА**)

DOI: 10.31425/0042-8795-2021-2-13-52

ПОЧЕМУ ЛУЧШИЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НЕ ВЫСТУПИЛ ПРОТИВ ЕВРЕЙСКИХ ПОГРОМОВ

ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА РЕБЕЛЬ

доктор филологических наук

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
(614990, Российская Федерация, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 24;
email: ranilag@yandex.ru)

Аннотация. В статье освещается позиция И. Тургенева по «еврейскому вопросу» в контексте трагических событий 1881–1882 годов. Исследована политическая активность Тургенева этого периода, проанализированы причины, по которым писатель не откликнулся на призывы выступить против еврейских погромов, описана его практика малых дел, в том числе по отношению к представителям «еврейского племени», один из которых (М. Коцын) впервые идентифицирован в данной работе.

Ключевые слова: И. Тургенев, Александр II, Александр III, К. Победоносцев, М. Лорис-Меликов, Л. Толстой, И. Соркин, М. Антокольский, М. Коцын, Р. Фельдштейн (Хин), орловский губернатор К. Боборыкин, газета «Страна», «еврейский вопрос», 1 марта 1881 года.

Статья поступила 20.04.2020.

© 2021, Г. М. Ребель

DOI: 10.31425/0042-8795-2021-2-13-52

WHY THE FINEST OF RUSSIANS DID NOT CONDEMN THE ANTI-JEWISH POGROMS

GALINA M. REBEL

Doctor of Philology

Perm State Humanitarian Pedagogical University
(24 Sibirskaya St., Perm, 614990, Russian Federation;
email: ranilag@yandex.ru)

Abstract: The article considers the plight of the ‘Jewish tribe’ in imperial Russia in the context of the historical events of 1881 and 1882 as perceived and acted on by Ivan Turgenev. Based on copious documentary evidence, this study offers an answer to the question of why one of the most compassionate and cultured of Russian intellectuals did not condemn the pogroms. The author analyses the political situation in the wake of the assassination of Tsar Alexander II and describes the persistent but fruitless efforts by Turgenev and his followers to convince the new regime of the importance of continuing with the reforms. Also presented are documents confirming Turgenev’s interest in the Jewish problem of the years 1881–1882 and the reasons why, despite his sympathy for victims of the pogroms, Turgenev never denounced the mob violence. Lastly, the article examines Turgenev’s routine of ‘small actions,’ when the writer provided active and effective support to vast numbers of people, including those directly impacted by the events of 1881. The article debunks the myths about Turgenev’s apolitical stance and his siding with the official ideology and policy on ethnic issues.

Keywords: I. Turgenev, Alexander II, Alexander III, K. Pobedonostsev, M. Loris-Melikov, L. Tolstoy, I. Sorkin, M. Antokolsky, M. Kotsyn, R. Feldstein (Khin), the governor of Oryol K. Boborykin, the newspaper *Strana*, ‘the Jewish question,’ 1 March 1881.

The article was received on 20 Apr. 2020.

© 2021, G. M. Rebel

Пресловутый «еврейский вопрос» и в судьбе, и в сочинениях И. Тургенева занимает весьма незначительное по объему место, однако именно в таких биографических и художественных закоулках нередко обнаруживается то, что существенно корректирует если не эстетические, то этические оценки личности и творчества художника¹.

Заглавие статьи отсылает к событиям 1881–1882 годов; *лучший русский человек* — это цитата из письма, автор которого является одним из героев нашего исследования, но здесь, во избежание двусмысленности, кавычкам предпочтен курсив.

Исторический контекст

Ощущение нарастания трагизма происходящего в отечестве возникло у Тургенева задолго до катастрофы 1 марта 1881 года.

Последнее десятилетие правления Александра II переживается им даже болезненнее, чем эпоха николаевской реакции: «Время, в которое мы живем, сквернее того, в котором прошла наша молодость. Тогда мы стояли перед наглухо заколоченной дверью; теперь дверь как будто несколько приотворена, но пройти в нее еще труднее» [Тургенев 1966а: 26].

Разочарование вызвано тем, что после осуществления ряда коренных государственных реформ Александр II если не остановил, то существенно притормозил процесс либерализации. «Будучи реформистом, он испытывал потребность опереться на устои монархии — Церковь, дворянство, армию, традиции» [Труайя 2003: 147]. Убеждение в значимости этих опор было передано ему по наследству, скреплено присягой и подтверждалось, в его восприятии, новыми вызовами: событиями в Польше, первыми направленными против него терактами (1866 и 1867 годов). «Его сердце обладало инстинктом прогресса, которого его мысль боялась» — этот афористичный вердикт А. Тютчева иллюстрирует размышлениями о противоречивой политике Александра II: «...когда <...> поток новой жизни прорвался сквозь разрушенную им самим плотину, поднимая при первом разливе немного пены и тины и увлекая в своем

1 Эта статья продолжает тему «Тургенев и национальный вопрос», затронутую нами в предыдущей публикации в журнале «Вопросы литературы» [Ребель 2020], — тему горячую по определению, как в общекультурном, так и в собственно научном плане.

течении остатки исчезнувшего прошлого, тогда смелый реформатор, недоумевающий и огорченный, испугавшись собственного великого дела, стал отказываться от него и пытался встать на защиту порядка, основы которого он сам подорвал» [Тютчева 1990]. В обществе возникло ощущение обманутых ожиданий и, как следствие, росло сочувствие к революционерам, чье требование перемен стремительно дрейфовало в сторону террора: «...зараза политического убийства распространилась в России подобно эпидемии» [Труайя 2003: 217]. Власть, в свою очередь, отвечала репрессиями.

Еще в октябре 1873 года Тургенев делится с П. Анненковым мрачным предчувствием: «Известия из России заставляют заключить, что между концами царствований Александра I-го и Александра II-го поразительное будет сходство» [Тургенев 1965: 160]. Разумеется, речь не о буквальном повторении событий, а об их глубинной сути и неминуемо тяжелых последствиях.

В конце ноября 1878 года, по окончании русско-турецкой войны и под впечатлением отставки одиозного министра внутренних дел А. Тимашева, Тургенев пишет тому же адресату: «Теперь, при наступлении мирных времен, в нашей прессе опять раздаются звуки лиры благоразумного прогресса! Но перемены, конечно, никакой не будет, как Вы совершенно справедливо заключаете. Будет стоять крепенький морозец — и старая Россия будет по-прежнему кататься по установленному санному пути. А настанет оттепель — она поедет в телеге — и только толчков будет поболее. Другого зрелища наши глаза (Ваши и мои) не увидят — в этом мы можем быть уверены» [Тургенев 1966b: 391].

Тем временем крайние радикалы объединились в хорошо организованную, технически оснащенную группу «Народная воля», исполнительный комитет которой в июне 1879 года на своем съезде вынес Александру II смертный приговор. В этом же году было совершено подряд два покушения.

28 декабря 1879 года Тургенев пишет из Парижа Л. Толстому: «...тяжелые и темные времена переживает теперь Россия; но именно теперь-то и совестно жить чужаком» [Тургенев 1967: 198].

Информация об убийстве Александра II застаёт Тургенева за лирическим эпистолярным объяснением с М. Савиной, оборванным на полуслове: «страшное известие из Петербурга» [Тургенев 1968: 71] заставляет переключиться на другую волну. От Анненкова приходит полное трагических предчувствий письмо:

...на нашей почве политическая жизнь сводится на динамит, порох, кинжал и револьвер. Ответом на них будут, разумеется, виселицы, новые убийства, новые виселицы и так в бесконечность. Нельзя думать, что масса трупов непременно даст благоухание свободы, порядка и развития, да и нельзя себе представить, чтобы такое можно было бы получить при подобных нравах и мерах. Ведь каждое дело имеет свою болячку, свою темную сторону, и если для устранения их потребуется опять новая бомба, то какой же выход? Какая история, какой конец, какая будущность у несчастной земли нашей <...> Ну, русский бог, выходи! Теперь твое дело — не приложишь рук, мы пропали [Анненков 2005: 135, 136].

Тургенев даже метафорически не готов оперировать расхожей формулой²: «“Русский бог” до сих пор только тем и помогал, что ничего не делал; все как-то распутывалось само собою... но теперь, кажется, такой затянулся узел, что не чета гордиеву...» — отвечает он Анненкову и отсылает его к «умному и дельному» [Тургенев 1968: 72] комментарию в газете «Страна» от 3 марта 1881 года.

Автор редакционной статьи Л. Полонский не ограничивается выражением негодования и скорби, а предостерегает новую власть от ответных репрессивных мер, предлагая в качестве единственного возможного противодействия террору неуклонное следование путем реформ, начатых Александром II, и в предельно корректной, эмоционально и стилистически выверенной манере излагает оптимальную, по его мнению, программу действий:

Нет иного выхода, как уменьшить ответственность Главы государства, а тем самым и опасность, лично Ему угрожающую от злодеев-фанатиков <...> Неумелые прежние советники, внушители реакции здравствуют, а Царь наш, Царь-Освободитель погиб!

Нет, пусть впредь исполнители, которые зовутся исполнителями только на словах, сами несут ответственность на себе. Надо устроить, в правильном общественно-государственном порядке, громоотвод

2 Выражение «русский бог» было широко употребительно в литературном контексте. Так, Пушкин — по сходному, в сущности, поводу — в десятой главе «Евгения Онегина» писал: «Гроза двенадцатого года / Настала — кто тут нам помог? / Остервенение народа, / Барклай, зима иль русский бог?»

для личности Главы государства. Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли, а потому и лежали на их ответственности. А личность русско-го Царя пусть служит впредь только светлым, всем сочувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспеяния России. Ему нужны помощники не безгласные, но и не безответственные. А Его да хранит Бог, на пользу страны [*Страна* 1881а: 2–3].

С призывом побороть чувство и проявить «милость к падшим» обращается к Александру III Лев Толстой — «как человек к человеку», понимающий «весь ужас» ситуации, в которую поставлен новый государь:

Более ужасного положения нельзя себе представить, более ужасного потому, что нельзя себе представить более сильного искушения зла. Враги отечества, народа, презренные мальчишки, безбожные твари, нарушающие спокойствие и жизнь вверенных миллионов, и убийцы отца. Что другое можно сделать с ними, как не очистить от этой заразы русскую землю, как не раздавить их, как мерзких гадов. Этого требует не мое личное чувство, даже не возмездие за смерть отца, этого требует от меня мой долг, этого ожидает <от> меня вся Россия [Толстой 1934: 46].

Но — не убий! — взывает Толстой. Со всей страстью неопита он убеждает своего адресата, что, только соблюдая принцип «отдайте добро за зло», можно остановить распространение заразы: «Как воск от лица огня, растает всякая революционная борьба перед Царем-человеком, исполняющим закон Христа» [Толстой 1934: 52].

Трагический парадокс: при кардинальном различии мотивов и аргументации радикалы требовали, в сущности, того же — в противном случае угрожали новыми расправами. В прокламации «Народной воли» от 2 марта 1881 года, в частности, говорилось:

Царь должен быть пастырем добрым, душу свою за овцы полагающим; Александр II был лютым волком, и страшная смерть покарала его.

Русские рабочие! Теперь вступает на престол новый царь, Александр III. Нужно, чтобы он не пошел в отца. Пусть он призовет народных выборных от всех деревень, заводов, фабрик, пусть узнает мужицкое горе и нужду и впредь царствует по правде. Пусть у него советниками

в сенате будут народные выборные. Тогда царь даст мужикам и землю, и подати уменьшит, и волю даст народу. Подавайте все прошения об этом — из городов, из деревень. Если же царь не послушает народного горя и начнет, как его батюшка, вешать да ссылат в Сибирь всякого, кто стоит за рабочих, тогда нужно и его сменить [*От рабочих...* 1881].

По поводу этих ультиматумов и угроз Тургенев пишет Анненкову: «Г-да нигилисты великодушно уверяют, что дадут и новому государю и России несколько недель сроку и роздыху... Зато потом! Так как теперь эти пустоголовые бубны сила — то и приходится принимать к соображению эти дурацкие слова — хотя как их применить к действительности?» [Тургенев 1968: 73].

Применение к действительности не заставило себя ждать — и с правительственной, и с радикальной, и с простонародной стороны.

Призывы либеральной печати создать представительную власть, несущую коллективную ответственность за страну, были расценены как «крайне неуместные», «могущие иметь вредное влияние» и обернулись грозными окриками по ее адресу [*Страна* 1881b: 1].

6 марта 1881 года обер-прокурор синода К. Победоносцев, разлученный на время с Александром и встревоженный возможностью других влияний («Не знаю ничего, — кого вы видите, с кем вы говорите, кого слушаете и какое решение у вас на мысли»), спешит изложить свое видение ситуации:

Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжить в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, — о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и ваша: это ясно для меня, как день <...> злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью <...> Новую политику надобно заявить немедленно и решительно. Надобно покончить разом, именно теперь: все разговоры о свободе печати, о своеволии сходок, о представительном собрании. Все это ложь пустых и дряблых людей, и ее надобно отбросить ради правды народной и блага народного [*Письма...* 1924: 315–316].

Ответ получен в тот же день: «Благодарю от всей души за душевное письмо, которое я вполне разделяю. Зайдите ко мне завтра в 3 часа. Я с радостью поговорю с Вами. На Бога вся моя надежда. А.» [К. П. Победоносцев... 1923: 44].

30 марта, дабы дезавуировать эффект от письма Толстого и других подобных поползновений, Победоносцев вновь возвращается к теме возмездия:

Уже распространяется между русскими людьми страх, что могут представить Вашему величеству извращенные мысли и убедить Вас к помилованию преступников <...> Может ли это случиться? Нет, нет, и тысячу раз нет — этого быть не может, чтобы Вы, перед лицом всего народа русского, в такую минуту простили убийц отца Вашего, русского государя, за кровь которого вся земля (кроме немногих ослабевших умом и сердцем) требует мщения и громко ропщет, что оно замедляется. — Если б это могло случиться, верьте мне, государь, это будет принято за грех великий и поколеблет сердца всех Ваших подданных. Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради бога, ваше величество, — да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности! [К. П. Победоносцев... 1923: 47–48]

На этом письме рукой императора начертано: «Будьте спокойны, с подобными предложениями ко мне не посмеют прийти никто, и что все шестеро будут повешены, за это я ручаюсь. — А.» [К. П. Победоносцев... 1923: 47].

26 марта 1881 года в Петербурге начался суд над перво-мартовцами.

В этот же день во французской газете «La Revue politique et littéraire» (1881, № 13) появилась анонимная статья под названием «ALEXANDRE III». В редакционном комментарии «выражалось сожаление, что автор “не разрешил назвать себя”», и в то же время высказывалась уверенность в том, что «читатель все же “увидит с первого взгляда, что это человек, который глубоко знает нового государя”» [Рабинович 1982: 551].

Автор не особенно скрывался. 31 марта Тургенев пишет П. Лаврову: «Статья об Александре III, действительно, принадлежит мне. Не ожидал, что она наделает столько шуму» [Тургенев 1968: 80]. Если учесть, что не только беглый революционер Лавров, но и Тургенев, по собственному его признанию, находился под надзором французской полиции — «я, в ее глазах, самая матка нигилистов» [Тургенев 1967: 181], сообщал он тому же адресату, — очевидно, что скрыть авторство было невозможно и у анонимности в данном случае другая причина, пожалуй даже две.

С одной стороны, сказалось всегдашнее нежелание Тургенева выступать с общественно-политическими заявлениями и публицистическими декларациями. К тому же на сей счет у него был отрицательный опыт. Даже вполне невинное обращение к русской публике поучаствовать в подписке на памятник Г. Флоберу вызвало по его адресу «ругательные статьи во всех газетах, град анонимных писем», где его называли «ярким западником», которого «обуял “рабский дух”», «рenegатом, дураком и публичной женщиной». Порыв откликнуться некрологами на смерть Ф. Достоевского и А. Писемского гасится опасениями вызвать аналогичную реакцию: «...я боюсь, что публике, при ее теперешнем настроении, неизбежно придет в голову, что я опять ухватился за случай заявить о себе, о своем существовании и т. д...» [Тургенев 1968: 23, 34, 49, 55].

Тем более сдержан Тургенев в политических и смежных с ними ситуациях.

18 апреля 1878 года в письме к М. Стасюлевичу он сообщает о поступившем из Германии «настоятельном предложении» написать статью о процессе над Верой Засулич: «...во всех журналах видят интимнейшую связь между Марианной “Нови” и Засулич — и я даже получил название *der Prophet*³. На означенное предложение я, разумеется, отвечал отказом» [Тургенев 1966b: 312]. Причина отказа изложена в письме другому адресату: западные критики России «были бы только рады опереться на мой “авторитет” <...> и я сразу же стал бы в глазах русского общества врагом, союзником тех, кто нападает на него и хочет его образумить. В России и так накопилось достаточно ненависти против меня со времени появления моих последних произведений, чтобы я еще стремился ее увеличить. И затем, раз уж я решил молчать в моей стране — как могу я нарушить молчание за ее пределами?» [Тургенев 1966b: 477].

Аналогичным образом Тургенев объясняет невозможность принять участие в чествовании польского писателя Ю. Крашевского в 1879 году: «...несмотря на все меры предосторожности — не будет возможности воздержаться от политики <...> и моя роль становилась бы слишком трудной... Я хочу провести большую часть зимы в Петербурге — и не хочу повредить себе заранее» [Тургенев 1967: 130]. Заметим: опасение не получить разрешение на въезд в Россию — очень важный для Тургенева мотив.

3 Пророк (нем.).

В письме к самому Крашевскому отказ от участия в юбилейных торжествах обосновывается собственно политическими причинами: «Было бы невозможно избежать недоразумений, и хотя я твердо убежден, что рано или поздно духовная связь установится между Вашим и моим народом — но почва, на которой должна возникнуть эта связь, еще слишком мало подготовлена <...> Россия должна сперва перестать <быть> *старой* Россией... а когда последует это обновление?» [Тургенев 1967: 178].

Запомним эту последнюю мысль, мы к ней еще вернемся.

Пока же еще раз констатируем, что анонимность статьи «Александр III», с одной стороны, объясняется принципиальным дистанцированием Тургенева от участия в публичной политике. С другой стороны, по-видимому, в данном случае она обусловлена и тем, что статья является не просто плодом личных размышлений частного человека, но выражением тревог и надежд европейских политиков, которые, как о том и сказано в начале очерка, «с беспокойством ожидают первых шагов нового государя, чтобы постараться предугадать, какую он займет позицию, каковы будут в дальнейшем его намерения и весь образ его правления» [Тургенев 1982: 285].

Иными словами, очерк «Александр III» — своего рода дипломатический пробный шар, программное послание русскому царю от западных политических партнеров. На эту мысль наводит в том числе тот факт, что к Тургеневу весной 1881 года дважды приезжал крупный французский политический деятель, в тот момент председатель палаты депутатов Л. М. Гамбетта, который вместе с президентом французской республики Ж. Гриви искал неофициальные каналы для диалога с новым русским самодержцем.

В Петербурге, куда Тургенев приехал 29 апреля 1881 года и где провел целый месяц перед отъездом в Спасское, он, по собственному определению, оказался в «комическом положении», как передает его слова один из тогдашних собеседников — С. Кривенко:

В Париже были глубоко убеждены, что, как только я сюда приеду, так сейчас же меня позовут для совещаний: «Пожалуйста, Иван Сергеевич, помогите вашей опытностью» и т. д. Гамбетта, который прежде держался относительно меня довольно высокомерно, тут два раза приезжал ко мне, несколько раз совещался с Гриви, и составили они вместе целую программу, безусловно, прекрасную, выгодную, конечно, для Франции, но не менее выгодную также и для России. Теперь они там ждут от меня

известий, и сам я, признаться, тоже разделял их надежды, а я сижу здесь дурак дураком целых две недели, и не только меня никуда не зовут, но и ко мне-то никто из влиятельных людей не едет, а те, кто заглядывает, как-то все больше в сторону смотрят и норовят поскорее уехать: «Ничего, мол, неизвестно, ничего мы не знаем». По некоторым ответам и фразам имею даже основание думать, что я здесь неприятен, лучше бы мне было куда-нибудь уехать [Кривенко 1969: 465–466].

Один из сигналов исходил с самого верха. «Победоносцев в письме к Полонскому рекомендует посоветовать Тургеневу не оставаться долго ни в Петербурге, ни в Москве, “а скорее ехать в деревню”», — сообщает М. Клеман и уточняет: «Полонский отказывается от этого поручения» [Клеман 1934: 304]. Последнее неверно. Я. Полонский в ответном письме к Победоносцеву деликатно отклоняет подозрения насчет неблагонадежности Тургенева («...неужели я был бы с ним дружен, если бы он хоть сколько-нибудь был похож на нигилиста») и деликатно дает понять, что поручение ему неприятно: «...завтра наедине постараюсь исполнить Ваше поручение, если до завтра Вы его не отмените» [К. П. Победоносцев... 1923: 173]. Разумеется, он в любом случае не оставил бы Тургенева в неведении.

Полагаем, что именно статья в «La Revue politique et littéraire» подвигла обер-прокурора оторваться от государственных дел, дабы предписать прибывшему из Франции литератору регламент пребывания на родине.

Следует сказать, что в марте 1881 года Тургенев выступил анонимным автором и другого обращения к Александру III, написанного по просьбе и от лица членов Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, над которым нависла угроза закрытия из-за того, что на одном из его заседаний присутствовал Лавров. Однако, в отличие от этого документа, статья «Александр III» носит не просительно-верноподданнический, а аналитический характер, в ней явно звучит личная интонация человека, который знает молодого императора⁴ и теперь делится своими впечатлениями

4 Тургенев встречался с будущим самодержцем в Париже, в доме русского посла графа Орлова, о чем 27 октября (8 ноября) 1879 года сообщал П. Анненкову: «Недавно за завтраком у Орлова познакомился с цесаревичем и его женой. Он мне понравился: честное и открытое лицо. — А впрочем...» [Тургенев 1967: 162].

с целью спрогнозировать характер нового царствования, а соответственно и дальнейший ход российской истории.

«Мы попытаемся обрисовать, сколько возможно вдумчивее, истинный характер этого государя, проникнуть в него, раскрыть его сердце, вовсе не двойственное и не коварное; и, узнав его как человека, мы постараемся определить и поведение, которого он будет держаться на престоле, если только непредвиденные события не заставят его вступить на дорогу, противную его природе» [Тургенев 1982: 285] — такова преамбула политического портрета. Отмечая достоинства императора (физическое и нравственное здоровье, честность, порядочность, прямоту, целомудрие, скромность и при этом — волю, энергию) и обозначая его идеологические ориентиры и предпочтения («До 1870 г. он выказывал весьма либеральные чувства», однако Коммуна вызвала у него «яростный гнев против всех делателей кровавых революций» [Тургенев 1982: 287]), Тургенев не просто выстраивает проекции будущей внутренней и внешней политики, но и подспудно внушает монарху наиболее приемлемый, с его точки зрения, путь равновесия и компромиссов. «Те, кто ожидают от нового царя парламентской конституции, скоро утратят свои иллюзии, — мы, по крайней мере, убеждены в этом», ибо «общепринятые в Европе идеи об ограничении власти, предоставляемой монархам, были и останутся еще долго чуждыми России», — однако автор выражает надежду на то, что либеральные реформы, которые планировал, но не осуществил из-за обострения революционной ситуации Александр II (подробный перечень-напоминание их приводится в статье!), будут реализованы — но не демократическим, а традиционным для России способом: сверху. Во внешней политике от императора ожидаются «миролюбие, уступчивость», во внутренней — сдержанность и выдержка: «...он не захочет мстить, он сумеет предупредить и наказать» [Тургенев 1982: 288, 292, 290]. Последнее, разумеется, о желательной реакции на убийство Александра II.

Статья завершается выражением надежды на то, что находящиеся между двумя крайностями — «ультранационалистической партией и нигилистической группировкой» — либералы-конституционалисты постараются и, может быть, сумеют доказать императору, что либеральные реформы отнюдь не повели бы к потрясению трона, а только укрепили бы его».

Однако вопрос — «смогут ли они убедить его (ибо ум его широк и просвещен), что ими руководит не простое желание

подражать Европе, а назревшая необходимость глубоких изменений в политической организации управления?» [Тургенев 1982: 292] — оставлен без ответа. Красноречивая, даже демонстративная вставка — «ибо ум его широк и просвещен» — опять-таки не столько констатация или комплимент, сколько усилие внушения. Статья в целом по духу своему отсылает к пушкинским «Стансам», в роли образца здесь Александр II, адресат — его преемник: «Семейным сходством будь же горд; / Во всем будь пращуру подобен: / Как он, неутомим и тверд, / И памятью, как он, незлобен».

Не обойден в статье вниманием и «Торквемада» [Тургенев 1967: 329]. Указав на «независимый нрав» наследника, автор замечает: «Есть, быть может, только одно лицо, советы которого всегда будут выслушаны, если и не выполнены: это господин Победоносцев, сын профессора Московского университета, человек весьма образованный, бывший наставник цесаревича, в настоящее время обер-прокурор святейшего синода. Он обладает возвышенным характером, его эрудиция очень обширна, но преувеличенная набожность делает его почти фанатиком православия» [Тургенев 1982: 290, 291].

Очень точный диагноз и прогноз. С 1865 года Победоносцев «опекал» цесаревича, а с момента воцарения Александра III в первую очередь именно над ним *простер совиные крыла*, не оставляя без своего попечительства ни одно направление государственной жизни, ни одно решение, принимаемое императором, везде подозревая крамолу, злоумышления врагов, происки либералов и «безнародных космополитов» (!) [Письма... 1924: 356].

Представительствуя перед императором от лица «истинно русских людей» и ритуально ссылаясь на «простой народ», интересы которого он сам якобы представляет, этот великий инквизитор не допускал возможности «никакой формы <...> активности “простого народа”, выходящей за пределы частных, местных дел» [Тесля 2019: 259]. Даже вполне консервативный по замыслу проект Земского собора (1882) вызвал у него категорическое неприятие: «Если воля и распоряжение перейдут от правительства на какое бы то ни было народное собрание — это будет революция, гибель правительства и гибель России» [Письма... 1924: 381].

Рефреном сквозь многочисленные послания Победоносцева проходит навязчивая и навязываемая венценосному корреспонденту мысль: «Время страшное и враг не дремлет».

Себя он видит едва ли не единственной опорой трона и, вновь и вновь тасуя кадровую колоду, сетует на «скудость в людях для высших назначений». По поводу соратников Александра II, готовивших в 1881 году новый важный шаг либерализации государственной власти, внушает преемнику: «С 29 апреля эти люди — враги ваши» [*Письма...* 1924: 396, 377, 337]. «Эти люди» — великий князь Константин, министр финансов А. Абаза и министр внутренних дел М. Лорис-Меликов. Последний — блестящий военачальник, эффективный администратор, двигатель модернизационного процесса и главный объект ненависти Победоносцева⁵.

Утром 1 марта Лорис-Меликов представил Александру II на подпись проект манифеста о включении в высший законодательный орган избранных представителей народа. «Конституция Лорис-Меликова» — последний документ, подписанный Александром II.

На 4 марта 1881 года император назначил заседание Совета министров по утверждению манифеста.

Убившие царя-реформатора фанатики-террористы сорвали процесс дальнейшей либерализации российского государства и толкнули страну под патронаж «фанатика православия». Крайности отзеркаливают друг друга: народовольцы сыграли на руку охранителям, последние создали удушливую атмосферу, в которой, при кажущейся внешней стабильности, подспудно копилась, вызревала, требовала выхода революционная энергия, в конце концов взорвавшаяся национальной катастрофой.

29 апреля 1881 года был обнародован царский манифест — не только написанный, но и инициированный обер-прокурором синода, убежденным в том, что «вся Россия <...> примет его с восторгом, разумеется, кроме безумных людей, ожидающих конституции» [*Письма...* 1924: 331, 332]. Манифест провозглашал незыблемость самодержавия: «...посреди великой нашей скорби глас Божий повелевает нам стать бодро на дело правления в уповании на Божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны

5 Уже 6 марта 1881 года Победоносцев писал Александру III: «Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему <...> Если вы отдадите себя в руки ему, он приведет вас и Россию к гибели <...> И он — не патриот русский» [*К. П. Победоносцев...* 1923: 316]. Последняя фраза особенно красноречива: это напоминание о том, что Лорис-Меликов — армянин.

утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поплзновений» [К. П. Победоносцев... 1923: 52].

За три недели до этого, 3 апреля 1881 года, первоапрельцы А. Желябов, С. Перовская, Н. Кибальчич, Т. Михайлов и Н. Рысаков были повешены. Беременной Г. Гельфман казнь отсрочили, потом заменили на вечную каторгу, вскоре после родов она умерла. Бомбометатель И. Гриневицкий был, как и Александр II, смертельно ранен во время взрыва.

А в середине апреля на юге России дала о себе знать еще одна сила: поднялась стихийная волна еврейских погромов.

«Убийство 1 марта 1881 вызвало всенародное смятение умов, — пишет А. Солженицын. — Для простонародных, и особенно крестьянских, масс — как бы зашаталась основы жизни. Опять же, как рассчитывали народовольцы, это не могло не отозваться каким-то взрывом.

И — отозвалось. Но непредсказуемо: еврейскими погромами» [Солженицын 2001: 185].

Беспорядки начались 15 апреля в Елизаветграде, затем погромная волна накрыла Киев, Киевскую губернию, Одессу, почти весь юг России. Весной 1882 года погромы повторились, самый страшный из них произошел в Балте.

Солженицын связывает «смятение умов» и последовавший за этим «взрыв» с 1 марта, минуя состоявшуюся 3 апреля казнь. Между тем приведенные документальные свидетельства содержат настоятельные предостережения об опасности такого развития событий, предвидение трагических последствий политики «око за око, зуб за зуб». Победоносцев, напротив, убеждал императора поторопиться с казнью: «Народ возбужден, озлоблен; и если еще продлится неизвестность, можно ожидать бунтов и кровавой расправы» [Письма... 1924: 316]. Казнь свершилась, но это не умиротворило, а разожгло: теперь все, по Победоносцеву, «жаждали возмездия» — а мстили тем, до кого могли дотянуться и против кого давно копилось раздражение.

Кровавый маховик был запущен и, после коротких периодов затишья, раскручивался все сильнее, рекрутируя в ряды радикалов новые силы — в том числе молодежь с «еврейской улицы», стремительно превращавшуюся из потенциальной жертвы очередного погрома в «наиболее революционную (наряду с латышами) национальную группу Российской империи» [Слезкин 2005: 204–205].

Через четверть века позиционных боев, в 1905-м перешедших в лобовое вооруженное столкновение, 17 октября 1905 года власть выпустила долгожданный манифест о демократизации системы управления и введении гражданских свобод, призванный, по ее мнению, «тронуть сердца подданных» [Солженицын 2001: 185], — то есть сделала именно то, к чему 3 марта 1881 года призывала газета «Страна».

«Но, — замечает Солженицын, — уступки следует делать заблаговременно и с позиции силы, а не в условиях уже прикатившей слабости. Либеральное и революционное общество — злорадно истолковало Манифест как капитуляцию и оттолкнуло его. Поражены были и государь, и Витте — и кое-кто из еврейской интеллигенции: “Достигнута была цель, к которой стремились в течение десятилетий лучшие русские люди... Добровольный по существу отказ Государя от самодержавной власти и обязательство передать законодательную власть на решение народных представителей... Казалось, всех должна была объять радостью весть об этой перемене”⁶ — а встретили ее с прежней непримиримой революционностью: борьба продолжается!» [Солженицын 2001: 369].

Рефреном через весь первый том книги Солженицына «Двести лет вместе» проходит мысль о непонимании государственной администрацией «истинных требований времени», о «самодовольном и бездарном правлении» [Солженицын 2001: 415, 499]. Хроническое запаздывание, громоздкость и неповоротливость государственного аппарата, забюрократизированность процедуры принятия решений, непродуманность и непоследовательность внутренней политики, неспособность даже самого императора после первого же теракта обезопасить от повторных покушений...

В августе 1904 года редактор «Нового времени» А. Суворин — «государственник», вхожий во власть и свой для нее⁷, — фиксирует в своем дневнике факты чудовищной коррупции («Там проливают кровь, а великие князья взятки берут! Россия — это поместье Романовых, и они наживаются всячески»); бедственные результаты войны с Японией («Флот уничтожен,

6 Солженицын цитирует Г. Слиозберга. — Г. Р.

7 Запись от 27 февраля 1904 года: «Государь согласился принять депутацию журналистов на условиях: чтоб не было евреев и чтоб был Суворин» [Суворин 2015: 366].

армия наполовину уничтожена»); острейшую потребность в утверждении коренного либерального принципа («Область права, правомерного существования — вот что необходимо для всех») — и делает сокрушительный вывод: «Самодержавие стало давно фикцией» [Суворин 2015: 380, 381].

Путь к финальной катастрофе начался 1 марта 1881 года.

Еврейский вопрос

29 мая 1881 года Тургенев, как и планировал до и независимо от «рекомендаций» Победоносцева, уехал из Петербурга в Спасское.

Лето протекало почти идиллически, в обществе добрых друзей и чутких собеседников — Якова и Жозефины Полонских, множества разнообразных гостей, среди которых самые долгожданные и дорогие — Лев Толстой и Мария Савина.

События и атмосфера реконструируются по воспоминаниям Полонского, переписке Тургенева, свидетельствам Толстого и т. д. При этом эпистолярная часть картины, как она представлена в полном собрании сочинений, очевидно неполна: не сохранилось письмо Анненкову, о существовании которого мы знаем из ответа адресата, нет ни одного послания к Полине Виардо.

Но есть два письма, которые содержательно и интонационно диссонируют со спасским контекстом. В один и тот же день, 1 июля 1881 года, — счастливое спасское лето в зените — Тургенев отправляет два лаконичных послания на одну и ту же тему. Оба адресата некоторое время назад обратились к нему с просьбой выступить против еврейских погромов на юге России. Перед обоими Тургенев извиняется за промедление с ответом. Обоим отвечает отказом.

Один из них — Марк Матвеевич Антокольский — если не приятель, то добрый знакомый, замечательный скульптор, талантом которого Тургенев неизменно восхищается. Другой — Иосиф Николаевич Соркин — «человек с улицы», но и с ним Тургенев встретился после первого обращения, в Спасском написан ответ на второе письмо.

М. Антокольскому:

...прошу не видеть в моем молчании отсутствие дружбы к Вам или сочувствия к правому делу евреев в России.

Напечатать же Ваше письмо, даже со стилистической корректурой, было бы немислимо — и, навлекши на Вас множество

неприятностей, принесло бы только вред. К тому же ни один журнал (даже «Порядок») бы его не принял. Притом этот вопрос в настоящее время потерял свой острый характер⁸. Но это письмо останется у меня как документ, свидетельствующий и о силе Вашего патриотизма, и о глубине и о верности Ваших воззрений. Не теряю надежды, что придет время, когда можно будет обнародовать этот документ — но это время, пока еще далекое, будет временем свободы и справедливости не для одних только евреев [Тургенев 1968: 99–100].

И. Соркину:

Как беллетрист, я, весьма вероятно, воспроизведу этот вопрос в отдельном произведении; как публицист, я не имею никакого значения, и мое появление не только бы не принесло никакой пользы, но возбудило бы одно недоумение, пожалуй даже насмешку. Люди всех партий увидели бы в этом одно притязание, одно неуместное желание навязать свое имя — или даже непростительное самомнение. Я бы, пожалуй, готов и на это, но убеждение, что я могу тем несколько повредить Вашему правому делу, удержало меня [Тургенев 1968: 100].

Посвященному очевидно: автор писем не лукавит. Он и в других случаях реагировал подобным образом, к тому же полагал, что такого рода проблемы не разрешимы в изолированном режиме. Напомним фразу из письма Крашевскому: для преодоления накопившихся взаимных недоразумений между поляками и русскими «Россия должна сперва перестать <быть> *старой* Россией» [Тургенев 1967: 178].

Кроме того, вопреки своему мировоззренческому и историко-политическому скепсису, Тургенев только что сделал решительную попытку повлиять на ход российской истории — и потерпел фиаско.

И все-таки он медлил с ответом.

Второе письмо от Соркина отправлено 29 мая.

Письмо Антокольского датировано 4 июня.

Тургенев ответил 1 июля.

В сущности, не так уж долго медлил. Но — медлил. А потом враз ответил обоим. Хотя один из корреспондентов, как уже сказано, был ему не просто хорошо знаком, но даже близок, и доверительное объяснение с ним, казалось бы, должно

8 К лету 1881 года погромы на юге России прекратились. — Г. Р.

было состояться в первую очередь. Однако, судя по датам и по тому, что Соркин писал из Петербурга, а Антокольский из Парижа, письмо Соркина пришло раньше. Но и стороннему человеку ответить сразу, то есть легко, не напрягаясь, не получилось. По-видимому, Тургенева мучила необходимость отказать. И, наконец решившись, он сделал это, что называется, одним махом.

Впрочем, есть другая точка зрения на сей счет.

«Относительно И. С. Тургенева до сих пор существуют несколько разных и весьма противоречивых мнений, — писал С. Кривенко в 1890 году, — одни считают его чуть не консерватором, другие, наоборот, красным; одни видят в нем человека без определенных убеждений <...> другие, напротив, считают его человеком убежденным, который никогда не изменял убеждениям и всегда оставался верен идеалам сороковых годов, с которыми вступил на литературное поприще» [Кривенко 1969: 445].

С тех пор в этом плане мало что изменилось, и пишущие о Тургеневе нередко подверстывают его то под одну, то под другую концепцию, заданную не материалом исследования, а собственными умозрительными установками и/или конъюнктурными соображениями. При этом вновь и вновь возникает не просто *разночтение*, но — *противочтение*.

В диссертации О. Горчаниной «Культурная идентичность Ивана Тургенева: между Россией и Францией» утверждается, что Тургенев был «одним из первых русских космополитов», который на протяжении десятилетий пребывал в поиске самоидентичности: ему «потребовалось время — почти вся жизнь, — чтобы научиться принимать свой отличный от большинства статус поликультурного человека» [Gortchanina 2014: 628]. О том, что никаких проблем с национальной самоидентичностью у Тургенева не было, свидетельствует не только все его художественное и эпистолярное наследие, не только то, как воспринимали его европейские коллеги и как он сам себя предьявлял в общении с ними (см.: [Ребель 2020]), но и, полагаем, настоящая статья.

В диссертации Е. Фоминой «Национальная характеристология И. С. Тургенева» писатель, напротив, представлен одним из наиболее тонких творцов национальной мифологии, чья «трактовка инациональных типов в позднем творчестве <...> демонстрирует ее глубинные пересечения с русской патриотической риторикой 1860-х — 1880-х гг.»: «...и в творчестве,

и в непубличной сфере проявились и имперские амбиции (сепаратизм малороссов и поляков Тургеневым не одобрялся), и идея о национальном и социальном превосходстве русских, характерным образом компенсировавшая критическое отношение писателя к России, ее отсталости и ясное видение национальных пороков» [Фомина 2014: 23, 126].

Интересующая нас проблема в рамках этого дискурса трактуется следующим образом:

После погромов в 1881–82 гг. он очень деликатно, с изъявлениями самых теплых чувств в адрес евреев, в ответ на их неоднократные просьбы отказывается написать статьи в их защиту. Большую роль тут сыграли его проблемы со здоровьем — Тургенев доживал свои последние месяцы.

Однако в своих письмах он называет и другие причины, поясняющие мотивы его публичного поведения по отношению к еврейской проблеме в целом:

«...какой был бы из этого толк? — пишет он Колбасину. — Единственным средством к прекращению всех этих безобразий было бы громкое царское слово, которое народ услышал бы в церквах <...> но царское слово молчит, и что может значить отдельный голосок какой угодно интеллигенции? “Новое время” заплует и уличит тебя в желании порисоваться или даже намекнет, что тебя евреи подкупили. Остается только краснеть (особенно здесь, в Европе), краснеть за себя, за свою родину, за свой народ — и молчать» <...>

Как мы видим, в этом высказывании сочетаются и мысль о том, что, пока юдофобия поддерживается государством, интеллигенция бессильна, и опасение за свою репутацию <...> Вместе с тем нельзя не признать, что отказом от печатных выступлений против погромов писатель косвенно становился причастным к той идеологии и политике, которых он не одобрял [Фомина 2014: 111].

Таким образом, выстраивается концепция искусно завуалированного, не вынесенного в общественное пространство, но воплощенного художественно тургеневского национализма имперского разлива, который к тому же на бытовом уровне то и дело проявлялся в ксенофобии (в частности, в эпистолярных отзывах об Антокольском).

Не касаясь здесь эстетического аспекта темы и отношений Тургенева с Антокольским как отдельных объемных сюжетов, вернемся к ситуации лета 1881 года — а именно к отказу писателя выступить против еврейских погромов.